

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32>

<https://elibrary.ru/WTNVAD>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Поэт и вор»: Н.А. Некрасов в дневнике и воспоминаниях Г.Н. Потанина

© 2026, З.В. Гусева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история взаимоотношений практически забытого сегодня писателя-«шестидесятника» Г.Н. Потанина и редактора журнала «Современник» Н.А. Некрасова, введенного начинающего автора в литературную среду. В центре исследования — сопоставительный анализ неопубликованного художественного дневника Потанина «Ночник» и его мемуаров «Воспоминания о Н.А. Некрасове». Повторяющиеся в обоих текстах сюжеты и формулировки позволяют предположить, что при работе над поздними воспоминаниями автор обращается к своему дневнику. И в «Ночнике», и в мемуарах Потанин уделяет большое внимание фигуре Некрасова, однако оценки личности и поступков редактора «Современника» часто оказываются в двух текстах противоположными. Так, в дневнике Потанин обвиняет Некрасова в ханжестве, бесчестности и барстве, а в «Воспоминаниях...» восхищается его человечностью и внимательностью к своим сотрудникам. Отдельно рассматривается случай, когда зафиксированные в «Ночнике» негативные суждения Потанина о Некрасове в мемуарах переатрибутируются другим людям. В статье исследуется биографический контекст создания дневниковых записей Потанина и высказываются предположения о причинах изменения отношения автора к Некрасову в позднейших мемуарах.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Н.А. Некрасов, «Современник», дневник, мемуары.

Информация об авторе: Зоя Вячеславовна Гусева — аспирант, филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0154-1912>

E-mail: zoya.guseva.2000@mail.ru

Для цитирования: Гусева З.В. «Поэт и вор»: Н.А. Некрасов в дневнике и воспоминаниях Г.Н. Потанина // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 8–32. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32>

В 1905 г., когда ни Н.А. Некрасова, ни большинства членов редакции некрасовского «Современника» уже нет в живых, в журнале «Исторический вестник» публикуются «Воспоминания о Н.А. Некрасове» за авторством малоизвестного писателя-разночинца Гавриила Никитича Потанина (1823–1910)¹. В историю русской литературы Потанин вошел прежде всего как автор романа воспитания о крепостном мальчике «Старое старится, молодое растет». Этот роман, во многом отразивший детский опыт самого писателя, был высоко оценен Н.А. Некрасовым. С публикации первых глав романа в некрасовском «Современнике» в 1861 г. Потанин начинает свою литературную карьеру. Вышедшие в «Историческом вестнике» мемуары содержат одновременно и рефлексию автора о собственном жизненном и творческом пути, и воспоминания об ушедшей историко-литературной эпохе вообще — фигура редактора «Современника» в обоих ракурсах представлена как ключевая.

Панегирический тон мемуаров² задан первым же предложением: «Я не думал печатать мой роман “Старое старится, молодое растет” и вообразить не мог, что познакомлюсь с таким замечательным человеком, как Некрасов, или буду сотрудничать в его передовом журнале “Современник”» [8, с. 458]. Затем следует рассказ Потанина о собственной судьбе, в которой Некрасов играет роль доброго гения, приходящего на помощь в самые отчаянные минуты; о «милой семье “Современника”» [8, с. 466], так не похожего на другие журналы «как в составе сотрудников, так и во всем остальном» [8, с. 479]; о смерти Некрасова и о несправедливых толках и подлых выходках его недоброжелателей. Своими «Воспоминаниями...» Потанин как будто хочет отдать долг памяти поэту и противопоставить «заурядным холодным заметкам» [8, с. 483], «позорным статьям»,

¹ Г.Н. Потанин родился в семье дворового человека помещика Мельгунова в Симбирске, там же, получив от барина вольную, окончил гимназию. Некоторое время давал частные уроки (в том числе племянникам И.А. Гончарова и в семье Минаевых), затем добился места учителя словесности в Самарском уездном училище. В 1858 г. Потанина перевели из Самары в уездное училище Бугульмы, а в 1859 г. совсем отстранили от службы, после чего он решил поискать счастья в столице. Подробнее о службе и отставке Потанина, а также о его дальнейшей судьбе см., например: [1, с. 163–165; 9, с. 147–151].

² Ср. в письме Потанина редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому: «Вы правду сказали, что мои воспоминания о Некрасове похожи на “панегирик”: я иначе о нем писать не могу!» (ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 76).

в которых «сказано все дурное о несчастном Некрасове» [8, с. 484], слово сердечное и правдивое. «Мне, как человеку, близкому к поэту, многое известно, и теперь, сам стоя перед могилой, во имя правды, я считаю своею обязанностью говорить в защиту Некрасова» [8, с. 484–485], — объясняет Потанин. Апологетический пафос, возвышенный тон и множественные похвалы некрасовской добродетели представляются, с одной стороны, продиктованными спецификой избранного автором жанра прозаической эпитафии, с другой — желанием Потанина заявить о своей общественной и литературной позиции, продемонстрировать которую призваны в том числе указания на близость автора Некрасову.

Между тем отношения двух писателей, судя по всему, в реальности не были такими теплыми, какими их описывает Потанин в созданных для печати «Воспоминаниях...». На протяжении нескольких лет автор романа «Старое старится, молодое растет» вел своеобразный художественный дневник, который он называл «Ночником»³ и на страницах которого одно из центральных мест также отводится редактору «Современника». Здесь его образ оказывается гораздо более проблемным, часто Потанин отзывался о Некрасове резко негативно.

При написании мемуаров Потанин, вероятно, обращался к своему дневнику, о чем могут свидетельствовать и повторяющийся набор сюжетов, и аналогичные формулировки. В то же время «Воспоминания...» и дневник содержат показательные отличия: эмоциональная реакция автора на одни и те же события зачастую противоположна в двух текстах, также в «Воспоминаниях...» Потанин может приписывать собственные суждения, зафиксированные в «Ночнике», другим людям. В настоящей статье мы рассмотрим отдельные фрагменты «Воспоминаний о Н.А. Некрасове» и дневника Потанина и, во-первых, уточним историю взаимоотношений двух авторов, а во-вторых, постараемся разобраться, чем обусловлена перемена в отношении Потанина к Некрасову.

Если попытаться кратко охарактеризовать потанинский «Ночник», первое, о чем необходимо сказать, — его риторическая

³ РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Немногочисленные исследователи жизни и творчества Г.Н. Потанина неоднократно ссылаются на «Ночник» в своих статьях (см., например: [2; 5; 7]), но порой демонстрируют лишь поверхностное знакомство с его текстом. Большой объем дневника («Ночник» состоит из двух толстых книг) и ограничения, связанные с его доступностью (на сегодняшний день ни сам дневник, ни отдельные его части не публиковались), отчасти объясняют фрагментарность исследовательского знания. При этом нет сомнений в том, что «Ночник» представляет интерес не только для исследователей творчества Потанина, но и для широкого круга историков русской литературы XIX в.

сложность. Потанин начинает вести дневник в 1857 г., когда ему 34 года. Сентиментальная восторженность записей этого периода, вызывающая в памяти фигуру Макара Девушкина, отражает склонность автора смотреть на мир идиллически. Это время напряженной работы еще не вступившего в литературную среду писателя над романом, в создании которого он видит свое предназначение:

Разрешит ли мне Господь окончить и в десятки лет тот глубоколежащий в моем сердце и обхватывающий ужасом своей громадности всю мою душу план, который зреет и начинает выясняться моему расстроенному воображению, моей душе, растерзанной обстоятельствами жизни <...>! Разрешит ли мне Господь исполнить хоть часть того, что мне чудится и горячо желается представить современному миру, чтобы хоть отчасти выяснить вопрос о современном положении испытаний русского человека⁴.

Чуть позже, наряду с рассуждениями о романе, в дневнике появляются переживания, связанные с проблемами по службе, материальными трудностями, переездом из Бугульмы в Петербург и вхождением в журнальный круг, — записи этого времени все так же фиксируют попытки автора определить свое место в мире, но прежняя экзальтированность Потанина все чаще сменяется в них горькой обидой, ощущением своего бессилия перед лицом редакторов, цензоров и чиновников. Осознание зыбкости своего социального статуса и неудовлетворенность собственным положением заставляют Потанина прибегать к довольно необычным для дневника нарративным решениям. Как бы желая убедиться в объективности своих суждений, Потанин пытается взглянуть на ситуации, в которых он оказывается, со стороны, чужими глазами. Так, в особенно эмоциональных местах дневника автор вдруг обращается за поддержкой к читателю, а описывая превратности своей судьбы, нередко говорит о самом себе в третьем лице.

Подавляющее число записей в «Ночнике» не датированы; в ряде случаев установить примерное время написания текста позволяет знание контекста. Первое значимое упоминание Некрасова и редакции «Современника» появляется в дневнике Потанина после 20 декабря 1860 г. (ср.: [4, с. 235]). Потанин делает запись о традиционном обеде по случаю выхода 12-го номера «Современника»: «Ах, вот новость: обед у редактора Некрасова, где кормили сотрудников

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Л. 2–2 об. Далее ссылки на листы рукописи «Ночника» даются в тексте.

журнала. Вот состав стола: Некрасов, напротив Панаев, направо от Некрасова Григорович, направо от Панаева Чернышевский, а потом и мы грешные: Михайлов, Антонович, Помяловский и пр. Другой, казалось бы, написал из этого стола целую повесть? Но для этого нужно перо Панаева⁵, а не Потанина» (Л. 171).

За ироническим самоуничижением автора дневника видна плохо скрываемая досада. Потанин — новый человек в Петербурге, он еще только входит в литературную среду, только начинает заводить знакомства в столице; можно предположить, что обед у редактора ведущего журнала он воспринимал как событие для себя значимое, однако его ожидания не оправдались. Потанина задает недостаточное внимание со стороны Некрасова, который за все время обеда обращается к нему лишь один раз — с незначительным вопросом; неприятное впечатление производит на него и поведение гостей — «людей, сошедшихся по близости одного журнала», но во всем осуждающих друг друга, смеющихся друг над другом и т. д. «Хотелось бы чего-то, да вышло ничего. Вместо тонкого французского *ricquant* вышло что-то дурновато-русское и даже странное, самого хозяина поставившее в положение, которое предоставляло решить ему самому», — резюмирует Потанин в дневнике (Л. 171). В «Воспоминаниях...» же писатель отзывается и о «редакционных обедах», и об отношениях между сотрудниками «Современника» с большой теплотой, замечая, что «литературная семья жила дружно» [8, с. 467], «за обедом велись самые откровенные, душевные беседы» [8, с. 467], и называя это время «самым счастливым и веселым» [8, с. 467] в своей жизни. Очевидно, в мемуарах Потанин описывает некрасовские обеды в идеализированном и обобщенном виде, из «Ночника» же мы узнаем только об одном обеде Потанина у Некрасова, поэтому сравнить его первые впечатления с более поздними, строго говоря, не можем. Как не можем мы с уверенностью говорить и о том, бывал ли Потанин на других «редакционных обедах» в принципе: «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова» фиксирует его в числе гостей лишь однажды, тогда как сам Потанин в «Воспоминаниях...» замечает, что Некрасов часто приглашал его отобедать на свои «литературные праздники» [8, с. 467]. Эта непроясненность, впрочем, не мешает констатировать наметившееся расхождение в оценках.

⁵ Это замечание Потанина, вероятно, отсылает к «Литературным воспоминаниям» И.И. Панаева (начали публиковаться в «Современнике» с № 1 за 1861 г.), описывающим главным образом современную автору литературную среду.

Сразу после рассказа о званом обеде Потанин приводит в дневнике историю, видимо, особенно его взволновавшую. Когда в «Современнике» вышли первые главы романа «Старое старится, молодое растет», Некрасов сам приехал к писателю на квартиру и вручил ему соответствующий номер журнала — а некоторое время спустя прислал счет за годовую подписку. Вероятно, Потанин снова почувствовал себя обманутым и оскорбленным. Личный визит Некрасова был воспринят им как дружеский жест и своего рода признание писательского таланта — присланный счет же послужил как бы указанием на более низкое место Потанина в журнальной иерархии и, кроме того, характеризовал Некрасова как человека мелочного и жадного. В дневнике произошедшее описано так:

Я удостоился, наконец, почетного визита господина редактора журнала, который сам привез мне первую книгу. Почетна личность поэта, его *genomtée* и пр. и пр., казалось бы, все это должно было польстить самолюбию автора того романа, который будет (чувствует мое сердце), будет иметь свое славное будущее... Я так и принял и понимал этот визит поэта, но... Ох, эти но, как иногда они разоблачают пред нами человека. Читателю этого места (после покойника Потанина) самому предстоит обсудить личность г. Некрасова. Поживши и изведавши слишком уж много, я перестаю судить людей строго, и потому поступок его со мною предоставляю на суд неуместный моего читателя-судьи. Вот он: из рук г. редактора, как будто в поздравление, я получаю журнал с моим романом, получаю даже приглашение на обед, располагающий к отношениям дружественным-близким, как сотрудники и служители одному великому делу, и что же? На другой же день после того получаю счет, в котором за «Современник» 1861 года вычитает с того же Потанина 15 р. и за тот же самый «Современник», который автору как подарок привез сам господин поэт! Конечно: «Денежка любит счет!» Но в этом отношении я готов бы легче заплатить г. редактору за визит еще 15 р., нежели прочувствовать в себе такое тяжелое впечатление, которое уже сразу отвращает от человека. Господь с ним с его пятнадцатью рублями, я за это дарю ему от себя по 15 р. на каждый мой печатный лист, но трудно переживать такие горькие минуты, и в сердце после того долго, долго лежит такое тяжелое ощущение, которое в мои только поздние лета может выносить человек (Л. 171 об.).

Как выходец из крепостной среды, Потанин болезненно воспринимает всякое социальное неравенство, и разницу их положений

с Некрасовым он ощущает очень остро. Продолжая дневниковую запись о визите Некрасова, писатель замечает: «Впрочем, г. редактор <...> дал мне разумный совет: нанять получше квартиру, — и это готов, готов бы душою, да ведь не красна еще изба углами, — вот в чем все дело. Совет-то, видно, дешевле стоит, нежели подарок Потанину в 15 рублей!» Замечание о квартире, возможно, сделанное Некрасовым невзначай, серьезно задевает стесненного в средствах Потанина, служит для него явным свидетельством безразличия к нему со стороны редактора, который, как считает Потанин, может, но не хочет ему помочь, не ценит его как сотрудника: «А ей-Богу, не мешало бы быть хотя сколько-нибудь повнимательнее к такому добросовестному труженику, как Потанин. Вместо всяких советов уж очень бы можно было, по убедительной моей просьбе, отрекомендовать меня в какой-нибудь дом: давать уроки» (Л. 171 об. – 173).

Несколько позже Некрасов действительно помог Потанину в устройстве на службу: редактор «Современника» рекомендовал своего нового сотрудника Егору Ковалевскому, брату министра народного просвещения, и вскоре Потанин получил место учителя во Введенском уездном училище. Все это довольно подробно и с большой признательностью к Некрасову Потанин описывает в «Воспоминаниях...», завершая изложение этого сюжета так: «Незабвенный Николай Алексеевич Некрасов был очень доволен моим успехом по службе и до конца жизни заботился обо мне, как отец» [8, с. 466]. В «Ночнике» заслуга Некрасова в улучшении положения Потанина также не остается без внимания, однако угол зрения, под которым автор дневника смотрит на описываемые события, снова оказывается иным:

Скажет, может быть, сердце, что я неблагодарен против Некрасова: Некрасов принял участие в рукописи, Некрасов ободрил и одобрил унывающего П<отанина>, Некрасов отрекомендовал П<отанина> брату министра, Некрасов наконец выхлопотал П<отанину> место учителя. Все это правда — за все это я благодарен Некрасову моими бессонными ночами и моим благородным великим трудом. А как посмотришь на это с другой точки зрения, так и окажется, что Некрасову дешево обошлись эти хлопоты, но зато в знак благодарности и я недорого продаю мою голову. Значит, мы квиты. Положим, это макиавеллизм, да зато вот вопрос: я ли его первый употребил против Некрасова, или Некрасов против меня? (Л. 191 об.).

В дневниковой записи о званом обеде Потанин, к слову, нелестно отзываясь и о соредакторе Некрасова по «Современнику» И.И. Панаеве: «Вот одна черточка из характера этой личности: господин Панаев хвалится перед Щербальским относительно ценности моих работ: “Да, батенька, вот как мы-с обрабатываем наши делишки: вот какие труды мы приобретаем за 50 р. с. лист!” Честь и слава вам, господин редактор, только, пожалуйста, не приписывайте себе этих делишек — это не ваша обработка: это не что иное как великодушие Потанина и его благородное, истинное служение делу, а не вам» (Л. 173). Вновь обратившись к мемуарам, мы находим там практически точные цитаты из приведенных фрагментов «Ночника» — однако здесь Потанин представляет их как вызывающие у него беспокойство и неодобрение «литературные сплетни» о Некрасове. Так, будто бы пересказывая разговор со знакомым — разговор, в котором сам Потанин «восторженно говорил о великодушии поэта» [8, с. 472], — он помещает в статью пространную реплику «собеседника», в которой узнаются собственные переживания Потанина времен его прихода в «Современник»: «Какое великодушие вы нашли в Некрасове? Просто ему нужно было вас купить, вот он и дал вам задаток. Некрасов торгаш, он боялся, что у него перебьют такую хорошую рукопись, как ваша, вот он и поспешил даже в номер к вам прискакать. А что он сам привез вам книгу и поздравил — так это некрасовский фарс. <...> Вот увидите после того, как он сдерет с вас рубликов 16 за годовой экземпляр “Современника”, несмотря на то, что вы такой дорогой его сотрудник. <...> И знаете, что я кстати скажу вам по секрету; неделю назад Некрасов сам говорил мне прямо в глаза: “Вот, милейший N.N., как мы обрабатываем свои делишки, рубликов за 50 печатаем такое произведение, как роман Потанина!”» [8, с. 472]. Как можно заметить, приписываемые недоброжелателем Некрасову слова об «обработке делишек» почти дословно воспроизводят процитированную Потаниным в дневнике фразу Панаева. И если это совпадение можно было бы объяснить расхожестью такого мнения о Некрасове, то замечание «знакомого» о том, что Некрасов непременно потребует с Потанина деньги за годовую подписку на журнал, очевидно, сфабриковано: дневниковые записи явно дают понять, что для Потанина произошедшее было неожиданностью. Таким образом, стремясь в поздних «Воспоминаниях...» представить бытовавшее в литературной среде негативное отношение к Некрасову, Потанин во многом опирается на собственные эмоциональные суждения, при этом переатрибутируя обиды прошлого посторонним людям и подчеркивая свое несогласие с ними.

Категории, в которых Потанин осмысляет отношения с Некрасовым, характерны для того времени: как показывает М.С. Макеев, в 1860-е гг. «типичный издатель журнала начинает осмысляться как капиталист, эксплуатирующий наемных рабочих» [6, с. 169], «многие литераторы-разночинцы, печатавшиеся в “Современнике” в 60-е годы, осознают полную материальную зависимость от его издателя и остро переживают чувство униженности своим положением» [6, с. 170–171]. В качестве иллюстрации исследователь, среди прочего, приводит несколько обширных цитат из дневника Ф.М. Решетникова. Редактор «Современника» предстает на страницах дневника ханжой, плутом и вором, надменным барином — впрочем, по мнению Решетникова, на эксплуатации и обмане издателями сотрудников строится в России вся журнальная деятельность [6, с. 172].

Потанин в своем дневнике также прямо заявляет о том, что Некрасов его обманул и обокрал: «...бросить и еще обокрасть — это уже выше всякой меры бесчеловечности. И как помирить эти два странные понятия: поэт и вор?» (Л. 194). Претензии Потанина к барству Некрасова, к его неспособности поставить себя на место другого, понять того, кто находится в худшем положении, тоже нашедшие выражение на страницах «Ночника», столь же эмоциональны. Приведем цитату, описывающую сцену разговора Потанина с Некрасовым о потерях, которые понес роман «Старое старится, молодое растет» после вычитки цензором: «Ярко припоминается при этом фигура поэта, лежащего в своем пуховике, которому бедный (!) Потанин объясняет, что “борьба за слово для него — борьба святая и великая, она выше для меня, нежели борьба за мою собственную личность” (говорится сквозь смех) на все на это великодушный (надписано: великолепный. — З.Г.) поэт отвечает: “А нельзя печатать, так оставить!..” И как легко выговаривает это слово: оставить! Легче, нежели выпить ту чашку утреннего чаю, которая в это время стояла перед поэтом» (Л. 173 об.). Наконец, Потанин доводит свои обвинения Некрасова в бесчестности и жестокости до предела, представляя (пусть и в полушутливом тоне) редактора «Современника» уже не просто вором, барином и циником, но и буквально убийцей:

Вот и некролог Добролюбова мною прочитан. А давно ли он смотрел на меня так бесстрастно сквозь свои светлые очки? И этого доели великие редакторы передового журнала. <...> А посмотрите, непременно напишется некролог или биография Добролюбова в «Современнике», и верно рукою, закопавшей друга, он произве-

дется в гении, напишется страшно много о его полезной и важной деятельности в литературе и в особенности в «Современнике», уж верно приткнут где-нибудь, что Добролюбов умер не от чахотки, а от тоски и глубокой скорби патриота о несбывшихся надеждах, от горячих мечтаний о свободе, о судьбе наших университетов и о том еще, о чем тихо растаявший Добролюбов, поди я чай, вовсе и не думал никогда и не гадал. <...> За ним следует уморить еще Михайлова — ну и тогда концы в воду! (Л. 265–265 об.)

Нельзя исключать, что многие потанинские оценки Некрасова в «Ночнике» гипертрофированы, обусловлены не только объективной реальностью отношений автора с издателем, но и болезненным самолюбием Потанина, с одной стороны, и его вспыльчивостью — с другой. Лично знавший писателя И.П. Ювачев отметил в некрологе: «Я прозвал Потанина “огненным стариком”. Он вспыхивал, как порох, и в запальчивости был очень резок на словах»⁶. Как бы то ни было, рассмотренные фрагменты дневника позволяют судить о прогрессирувавшем отторжении Потанина от Некрасова, резко контрастирующем с теми высокими оценками, которые редактор «Современника» заслуживает в печатных воспоминаниях автора романа «Старое старится, молодое растет»⁷. Сложно сказать сегодня, были ли хвалебные «Воспоминания о Н.А. Некрасове» попыткой 82-летнего Потанина напомнить о себе в литературных кругах, для которых он «давно был умершим»⁸, или искренним переосмыслением прошлого. Возможно, в поздних воспоминаниях Потанин пытался сгладить противоречия своей жизни, и заочная консолидация с покойным Некрасовым позволяла ему укрепить свое положение — хотя бы в собственных глазах.

В Приложении помещены фрагменты «Ночника», печатающиеся по авторской рукописи: РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Л. 246–246 об.; 251–251 об.; 266–267 об.; 287 об. – 288; 26 об. – 28 об.; 94 об. – 95 об.

⁶ Ювачев И.П. Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. 1911. № 5. С. 525. По словам вдовы Потанина Елизаветы Андреевны, И.П. Ювачев был одним из двух литераторов (второй — А.С. Пругавин), с которыми Потанин поддерживал общение в последние годы жизни. Сохранились письма Г.Н. Потанина и Е.А. Потаниной к Ювачеву (ОР РНБ. Ф. 887. Ед. хр. 29, 30); Ювачев упоминает Потаниных в своих дневниках.

⁷ По мнению Г.В. Краснова, на изменение отношения Потанина к Некрасову повлияли позднейшие жизненные испытания, через которые писателю пришлось пройти: отстранения от службы, вынужденные переезды, давление со стороны властей и т.д. См.: [3, с. 145–147].

⁸ Ювачев И.П. Гавриил Никитич Потанин. С. 520.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. Потанин
«НОЧНИК» (Фрагменты)

4 ноября, 1861 г.

Желчь, мой друг Потанин! А где желчь, там мало истины. Неужели я еще не дошел до спокойного описателя литературных событий? Конечно, мало есть людей настоящего времени, которые так страшно чужды какому бы то ни было направлению — у всякого своя партия. Тебе только пало на долю следить и дух Аксакова, и Некрасова, и простодушного болтунчика Загоскина, и литературного фуфлыгу Панаева, и важно ученого Краевского, и пустовсякого Дружинина; тебе только взбрело в голову из всего этого эклектически высосать истину и великое достоинство таланта и пустоту бездарности! И еще бы все это не волновало жизнь человека правдивого? Чем и кто и как помирят это разнохарактерное воззрение на один и тот же божий мир, на одного и того же русского человека, на одну и ту же жизнь того же русского человека? Странен же ты, русский человек, дошедший до таких разладиц с жизнью в действительности и слове! Где же и в чем твои основные точки опоры твоей жизни, действительности и слова? Что же это такое? Аксаков — мужик, Панаев — барин, Асоченский — поп, Дружинин — чиновник, Краевский — семинарист, Тургенев — граф, Салтыков — следователь, Григорович — господин-крестьянин, Писемский — господин-мещанин, Гончаров — живописец, но во всем этом нет еще полного проявления полной русской жизни, точно у каждого из них есть своя *idea-fixa*, для которой, как идолу, приносят в жертву все остальное. И все эти господа, соединенные в одно, едва только дают нам слабое понятие о полной, как могучая славянщина, жизни русской. Все они воспитались в разных своих уголках, все они с своими особенными воззрениями, и во всех их есть свое неотъемлемое-особенное, принадлежащее к сфере домашнего воспитания, от которого они и не думают отрешиться, да и не в состоянии отрешиться, а между тем, многие из них носят уже по <нрзб.> журналов имя русского писателя. И Боже мой! В какие разнохарактерные отголоски развучится будущее поколение писак — куда оно пойдет? Что оно напишет, принявши в основу своего воспитания эту разнохарактерную привилегированную ложь? Что выразит в себе, каких еще уродов изобразит нашим детям литература будущих годов? И выработает ли из этих уродов тот дивный образ Славянина, которым бредил Гоголь?

Кстати или некстати, но я припомнил случай. Назад тому неделю или две я был у Некрасова. У Некрасова в квартире лежит его чернорабочий — Добролюбов или Добронравов — что-то вроде этого. Спрашиваю: зачем он? — «Да потому что ему одному дома скучно». Воображаю я веселость в доме Некрасова! Много же жизненного придает мертвый Некрасов больному Братолюбову. Это видно будет сейчас и из следующего обстоятельства. Человек берет рецепт — идти в аптеку — и докладывает о том, что фельдшер дожидает в прихожей. — «Ну, так, как сказал доктор: сделать ему ванну и поставить пиявки». Меня ужаснуло, что чахоточному хотят ставить пиявки да еще ванну. Спрашиваю: «Да чем же он болен?» — «Да тот расстройством нервов, а это вот этому...» (Великий поэт вместо Братолюбова указал на Касторку). «Милый пес мой болен, — говорит поэт с безжизненным сокрушением сердца, — это мы хлопчем о бедном, милом нашем Касторе-с!» — «А! а я уж думал, о вашем больном?» — «Нет, тот у нас сам по себе-с, а этот требует помощи скорейшей».

Год исполнился, как я в Петербурге! <...> Состояние ужасно, состояние безысходно! И еще ужаснее и безысходнее потому, что нет около человека, который поддержал бы меня! К великому поэту я кажется больше не обращаюсь — разве из пробы? Да и проба была бы страшная. Чего искать там, где я вперед уверен, — ничего не найдешь! Это проклятые эгоисты! Какой-нибудь Иван Алексеевич¹ — горячая душа, он многое поймет чутьем, но эта крайне невежественная дикость меня ужасает <...>. Один он сделал верное определение-значение Петрова² как артиста. Но это для меня не новость: значение это может определить даже самый пустейший из фатов — Панаев, и этот скажет, что Петров достоин юбилея и как артист, и как человек — и, как оказалось, собственно, потому, что он двадцать пять лет служил театру и, наконец, неподрожает в роли Сусанина! Эх, господа Иван Ивановичи! О сапожниках бы вам писать, а не о значении артистов и художников! У нас все так: Петров, 25 лет усовершенствовавший роль свою, велик, а Бантышев³, в котором умерла наша прекрасная опера «Могила Аскольда», Бантышев прошел бесследно — и никто ни строкой не почтил его великий талант! А Бантышев такое же имел значение в «Аскольдовой могиле», как и Петров в «Сусанине». Недоставало, значит, одного: Бантышев не успел войти в моду. Господа наши ценители и судьи! По вашим пустым статьям будущий век будет писать историю артистов и художников! И материалами для этой истории будут ваши вздорные

и еще ложные идеи — не будет ли стыдно? Или мертвые срама не имут? Иван Иванович, верно, того убеждения: «Что поврешь, то и поживешь». Простодушный Иван Алексеевич говорит: «Да кто же из людей понимающих верит Панаеву? (о Брюллове, Глинке и т. д.) Пусть его врет на здоровье!» А простодушие хуже лукавства: с этим простодушием мы всегда уступим наглой лжи, и наглая ложь восторжествует! А если принять в соображение, что у нас еще очень немного людей, понимающих Брюллова как гения-поэта, Иванова как таланта-художника, то и окажется, что мысль, проводимая нагло каким-нибудь буффоном Иваном Ивановичем в самом деле многим может показаться за новый взгляд на искусство, предмет и *<нрзб.>* которого оригинальный, но и верный. Много ли есть в Петербурге людей, которые, как аз грешный, кидают «Современник» под стол и, выходя из себя, в негодовании шепчут: «Какой наглый фат!» Зачем, смотря на Зефира Бродского⁴ безусловно не признать в нем истинного художника? К чему какому-нибудь пустому фату Ивану Ивановичу подниматься на ходули: толковать о внутренней силе художника, о той глубине и смелости *<...>*, которая будто бы поражает Ивана Ивановича в истинно художественных произведениях! Полноте, пожалуйста, притворяться, русский барин и фат, кто вам из людей мыслящих поверит, что вас когда-нибудь поражали истинные произведения! По всему вашему отзыву ясно видно, что в искусстве вы не смыслите ни уха ни рыла, а об идее великих произведений не имеете и понятия и судите вы просто-запросто, как русский барин-дилетант. Но помните, однако, что ваше буффонство может убить Бродского, как убили вы, буффоны, несчастного Иванова. Жаль только, что со стороны таких господ нет после и сознания, что они первые бросили камень в великого человека. Эх, господа наши ценители и судьи! Будущий век с негодованием еще не раз бросит под стол вашу книгу и хорошо, если он скажет только: «Какой это был пустой человек *<надписано: народ>*!»

Судьба Михайлова точно так же dokonчена, как судьба воскресных школ. Уж кто не говорил и не судил у нас Михайлова. Крылов, наконец! Мальчишка-Крылов и тот говорит и судит Михайлова, и тот сказал: «Нет, уж больно он как-то тово...» Перетрусил, что ли, Бог его знает? Привели тут его в сенат — плачет... Уж, господин ученик Герцена, если вы наследовали истинно дух вашего великого учителя, то уж перед русским-то сенатом плакать не следовало! Вы унизили этим уж не столько себя, сколько вашего великого

учителя! Положим, пред государем вы могли со слезами сказать, что вы больны... Но непременно прибавить: «бессилием» — иначе, без этого слова, в вашем свидании с царем нет, не было и не будет смысла. Иначе в этом всем — уж и мне позвольте закричать вместе с Аксаковым — ложь!⁵ И в самом вашем отречении для России была не жертва, а тоже щегольская ложь!.. Полноте, господа публичные лгуны, полноте нас морочить! Ну, что значат ваши малодушные слезы пред русским сенатом! Вы так мне становитесь мелки, что, ей-Богу, стоите пересудов Крылова и даже — Крылова!.. Вы, вы, тот! На которого наделась вся горсть провозвестников новых идей — вы, который стоите высоко на эшафоте, и в ту минуту, в которую вы знаете уже, что судьба ваша решена, — вы плачете малодушными слезами и просите свидания или, пожалуй, прощения у того, кого хотели зарезать!.. И это передовые наши люди! И с такими господами мы хотели что-нибудь делать дельное!.. Хорошо, значит, дело, да хороши и дельцы. А дельцы — подлецы! Все, верно, вроде Безобразова⁶: человек просит сенат пощадить Михайлова, а когда узнает, что он из породы вольноотпущенных, не более, так говорит: «Задавить эту гадину!» Вот с такими господами и изволь вести дело! Где уж нам жидам достигнуть согласия и единодушия! Вот за это-то нам и окажут всегда такую милость: вместо двенадцати заключить его (Михайлова) в каторжные работы на шесть лет, а, впрочем, быть по сему: ну и слава Богу! И будь по сему, но едва ли это нужно, и без этого мы знаем твое петропавловское могущество: ведь еще со времен Христа известно, для чего у человека меч или нож? Но помни <надписано: и ты — царь> изречение великого учителя: «Все приявшие меч, мечом погибнут».

Судьба Михайлова и без этого высочайшего манифеста была решена вперед: ее написал еще вперед пророчески республиканец Якоби на картине ссыльных⁷, только спроси ты сам себя: кто этот офицер, который спяна приподнимает веки у покойника и спрашивает того: «Ну что, глядишь ты теперь за мной, как я пьянствую, или слеп?» Нет! Не глядит! Он стал покойник, он умер! И Михайлов умер; он и физически умрет на половине дороги; и школы наши умрут от своей собственной пустоты; и я умру за правду-матку, и все мы умрем; — не умрет только твое войско, под хмельком улегшееся под Севастополем, да не умрешь еще долго и ты, напившийся мертвецки. Спи спокойно! Тебя спасут твои рабы, твои трусливые зайцы-русаки, спасем тебя мы своею кровью. Ну, прощай, друг Михайлов! Это тебе последние строки: я, впрочем, от тебя не полагал, что в эту великую минуту, когда на тебя смотрела вся горстка студентов, ты смалоду-

шествуешь! Жаль, что ты оказался гаже жиды, которого описывает «Северная пчела» и которого Медников⁸ назвал человеком ужасным, а Яновский канальей. Подите помирите такие разногласия! А мне как прикажете назвать этого жиды, смотря на твои слезы? Ну, пожалуй, я назову его русским молодцом. Доволен ты?.. Прощай, друг! Безо всяких предварительных приготовлений, перед ссылкой твоей у меня все вертелась мысль: подать тебе денег, хоть рублей сто, да ведь вы, господа, нервные души, на каких-то все ходулях да на пружинках. Вот уж о вас-то петербургских и сказать: «Чужая душа — потемки». Пожалуй, еще обидишься и, пожалуй, еще ляпнешь, что тебе странно принять от неизвестного тебе Потанина милостыню. Нет, не неизвестный, не чужой! Врешь! Родня, друг, родня мы с тобой, да еще какая! А если не узнал ты отцов кулак, так, собственн^{но}, потому, почему не раскусил Потанина и великий поэт. Потому, собственно, что мы не сошлись и, верно, не сойдемся? У меня есть предчувствие, не сойдемся! И в решительную минуту смерти ты плачешь над ними, а я посмеиваюсь над вами. В этом мы не родня, а в прежнем — не сомневайся, друг, родня, да еще какая!..

Поп Петропавловской крепости сказал: «Правительство — стена: чем больше ударов, тем скорее она дрогнет». Ну, батя, это еще старуха надвое сказала. Хотя Наполеон и сказал, что крепости затем и строятся, чтобы их разбивать. Но, верно, для этого нужно наполеоновский же и лоб, а не твой поповский-глупый, наполеоновское же неутомимое терпение двигаться к одной определенной цели, и, по-моему, трупами Михайлова и Спасского Петропавловской крепости не прошибешь. Бесполезное усилие! Этому доказательство вот что: на Сытнинском рынке выставили скамейки и продавали места, чтобы смотреть на казнь Михайлова!.. Скажите, в каком народе в Европе вы встретите еще подобное бесчеловечное зверство <...>. И какая идея, кроме подлости и торгашества, свойственны этому народу. Хотя Ставровский и говорит, что презрение к русскому попу в парижской духовной коллегии есть нечто иное, как частный случай, ничего не доказывающий; хотя мы торгашество (при казни) можем еще более принять за частный случай, однако этот поступок ясно говорит, как понимает это заветное дело народ! Казнь Михайлова была совершена на Сытном рынке — будут ли этим сыты те, кто хотел этой жертвы, или это только одна игра слов, не более?..

Вот, наконец — ну, слава Богу! — и Помяловский с несчастным и жалким Добролюбовым пожалованы в гении, и высочайший рес-

крипт дан самим «Современником». Ну, само собой разумеется, что Добролюбов выше стоит Пирогова или Брюллова, как его не похвалить хоть в могиле, как не сказать этой заветной мысли, что эти люди только и рождаются для страданий, которых не могут изнести, потому что душа их так чиста, что не может никак помириться с идеей нашего рабства! Да кто же и заставил Добролюбова быть рабом? Кто, наконец, просил его так уж сокрушительно, до чахотки, страдать из пустяков?.. Вот если бы он в самом деле был вроде неудавшегося Иванова или Гоголя на русской почве, то уж, само собою разумеется, самое лучшее в таком случае — умереть. Да и то это дурачество простительно только Гоголю и Иванову как холостякам, людям уж решительно непривязанным ни к чему земному. А Добролюбова-то кто просил на это пустое пожертвование. «Ложь!» — говорит Аксаков. Полноте, господа, нас морочить: великую гениальность Добролюбова только и помнит один «Современник»! А ведь многие, в столице жившие, только теперь и начинают читать его статьи, и то собственно потому только, что слышали ваш крик. Знаем мы эти иллюзии, и знаем мы то, что по его положению относительно к журналу он на все кидался, и что-то хотелось ему сказать, да по везению ничего не сказалося! И ваш гений только и останется в вашей книге. Самые странные названия статей уж достаточно показывают всю безжизненную сухость вашего гения — ведь это все тоже вроде скрежета зубов и глуповцев с их деяниями — это тот конец, за которым слава ваша так же бессильно и чахотно умрет, как и Добролюбов! А проснувшиеся на ваш крик провинции только с каким-то страшным изумлением подумают: «Черт знает, что это такое? “Современник” просто нас морочит». И хотя «Современник» привык смело считать наши провинции за бессмысленную толпу и воображает себе, что его поддержит юное молодое поколение, которое, пожалуй, влюбится и в Добролюбова — <нрзб.> — но не радуйтесь этому успеху: любовь этого молодого поколения так же ветрена, как мало оно, ведь любовь эта к плохому и больному Добролюбову есть не больше как временное увлечение — отрезвятся, так поймут, что Добролюбов относительно к гениальной литературе не так еще важен и велик, как возвеличил его за бескорыстное труженичество «Современник».

Эх, почтенные поэты старый и новый, кем-то вы замените этого чернорабочего? А ведь Чернышевский не способен? Вот ему украсть где-нибудь переводную мысль — это изволь, можно; или с наглостью отвергнуть и усомниться в какой-нибудь святой и неприложной истине — тоже изволь, и на это он мастер! Ну, а писать фельетон — никуда не годится: у него все будет выходить вроде «Полемических красот»,

для которых самый лучший ценитель — Крылов, и в особенности в ту минуту, когда он, прищуривая глаз (вроде почтмейстера в «Ревизоре»), говорит: «А умная эта бестия Чернышевский — как он всех отвалиял». Ну а второй гений — Помяловский. Тот не только для внутреннего обозрения — право, и ни на что не годится! Он пока гений только в «Молотове», а там я знаю его будущее: после Ивана Выжигина он напишет, пожалуй, еще и Петра⁹; но ведь, пожалуй, и в повести понадобится знание сердца человеческого да знание истинной жизни, а нам очень известно, как знают жизнь эту наши бурсаки. Первое мое знакомство с Помяловским напоминает мне простодушного Баранского, который в первое же свидание со мной задал чрезвычайно ловкий, общественный и вежливый вопрос: не с себя ли я писал приходского учителя в 9 главе?.. — Не правда ли, какой лестный и приятный вопрос для автора, когда ему говорят: «Позвольте узнать, у вас там в 9 главе написан мужик, невежа, идиот и полуживотное — приходской жалкий учитель — не вы ли это будете?» Не правда ли, какое умение у гостя обращаться с вежливым хозяином! После этого ловкому гостю оставалось только одно: принять (по ловкости) мою чернильницу за пепельницу, наткнуть в нее окурков, до обморока закурить мою бедную жену какими-то восточными папиросами — и уйти навсегда, забыв и автора, и учителя, и лестное внимание хозяина, и его задушевную теплую беседу, всегда простодушную и безыскусственную, всегда свою-семейную, невзыскательную, нецеремонную и свободную, как у себя дома в своей семье. Как, однако же, прост и невзыскателен хозяин, но, однако, после посещений этих двух личностей, Помяловского и Чучеловского, моя бедная жена, при всей ее деликатности, никак не утерпела и таки спросила: «Помилуй, Г., откуда ты выкапываешь таких лесовиков?» — «Какой, мой друг, ужас — это будущее литературы и ученый, и оба петербургские! Вот это-то, мой друг, и называется развязностью, а ты об этом и не знала? Этакое ты у меня простодушие». — «Да помилуй?..» — «Да уж тут, мой друг, миловать нечего, когда нас не милуют наши гости... Перед вежливостью петербургских гостей мы должны молчать — особенно в первый раз».

«На безрыбье и рак рыба». Таково у нас явление Щедрина и Островского. С первого появления очерков судьба Щедрина мною была предсказана пророчески. Очерки его так и остались только очерками, и тогда же можно было сказать утвердительно, что порядочной картины Салтыков никогда не напишет. Конечно, как новизна, первое появление Крутогорска должно было понравиться, но

надолго ли?.. Это можно было предсказать тогда же. Как не ветрен и не пуст парижанин-Петербург, но и его нельзя такую дрянью занять надолго. Одному только великому поэту¹⁰ понравился «Скрежет зубов». Но я уверен, что, прочитавши «Глуповцев» и сам великий поэт убедился, наконец, что Щедрин со всей своей двугодовой славой исписался до конца и дальше думать о его возобновлении совершенно бесполезно! Хотя «Современник» самовольно и венчает Помяловских, Добролюбовых и Щедриных в великих писателей, но кто же этому верит из людей, истинно понимающих литературу. Напрасно редакторы «Современника» воображают себе, что журнал их держится именами Островских и Щедриных. Ничего не бывало! Но им, сильно падающим и почти совершенно уроненным тяжестью хмельного царствования, нужны для поддержки только идеи — те идеи, которые, хотя шепотом и озираясь, но все-таки понемногу проводил этот смелый журнал, а если б не это, то чисто в литературном отношении «Современник» со всеми Щедриными и Островскими давно бы брошен был читающими русскими человеками.

Какой-нибудь Жуковский¹¹ (созерцательная юриспруденция) с своими недомолвками для нас все-таки важнее, нежели пошлый Щедрин с своей обличительной литературой. «Ябеда» хороша была во времена Капниста, тогда она была ко времени и действительно приносила пользу, а теперь, когда сила чиновной нищеты и голод неумолимо гонит нас всех к воровству, голос Щедрина не более как потеха, и, по-моему, обличать нас в настоящее время только и прилично сколько-нибудь Герцену с его неумолимою смелостью и желчным сарказмом, а очерки Щедрина чуть видны, бледны и до того, наконец, ничтожны еще своим пером, что пора, очень бы пора понять и самому Салтыкову, что пора перестать бесполезно писать. Хорошо и привольно пописывать свою гиль, сидя на месте вице-губернатора и имея впереди в перспективе много еще смелого — пройти и дальше со временем; хорошо проповедовать о честности и бескорыстии какому-нибудь отъявленному мошеннику Гроту, когда он знает, что так или иначе его дела все-таки будут чисты, благородны и еще на виду правительства, а много ли это бескорыстие, честность и благородство принесет пользы тому, у кого нет при дворе брата, кто голоден и холоден, кто, наконец, не сегодня так завтра попадет в заштатные человеки и, конечно, неминуемо погибнет? <...> К чему же тут, и кому нужны ваши очерки? Какую кому они приносят пользу?.. Что же касается до других литературных достоинств, то поверьте, один только Петербург и поверит вам, что вами верно описано общество; Петербургу очень простительно это верование, потому что он никакого

не имеет понятия об обществе, провинции, а тем еще более об крайне разнообразном обществе губернских наших городов. Блажен, кто верует, — тепло тому на свете: легкий Петербург ищет только легких удовольствий, которые вы ему доставляете вашими легкими же очерками; но очень нелегко тому делается, кто видел это общество провинции не с вице-губернаторского места и не из собраний и клуба, а прямо из самого жалкого разнообразия его жизни! Нет, не легко, г. Салтыков: Гоголь еще не умер в литературе, а тем больше в обличительной, но и его яркие образы не есть еще те совершенные типы, которые наполняют своим пестрым жалким разнообразием наши губернские города. Для типов этих, поверьте, г. Щедрин, нужно не ваше перо, а перо человека даровитого, такого наблюдателя, который писал бы нам эту жизнь с самой жизни, а не с фантазии и из своего кабинета. В ваших типах видит живых людей один только незнающий провинции Петербург, и, поверьте, больше никто; всякий живущий в провинции думает только одно: черт знает, откуда он взял этих уродов, тлей — неужели это похожие на нас люди?.. Я, конечно, не оспариваю лицо князя Льва, вятского губернатора, может быть, этот тип и верен сам себе, но разве личность какого бы то ни было губернатора есть губернский очерк? Никогда! И вот почему: все наши губернаторы, исключая Панчулидзева и Огарева, присылаются из столицы на два и на три года — много ли в них того губернского типа, который они представляют, привыкнув к жизни Петербурга, а не Вятки? Кроме спеси и важничанья да еще барского деспотизма с чиновниками, в них вовсе нет ровно ничего провинциального. Панчулидзев был единственный тип губернатора для истинно губернского очерка, зато жизнь Панчулидзева уж вовсе несколько не была похожа ни на одного князя Льва — жизнь его была чисто губернская, своеобразная от привычки и к местности, и к месту. Что же касается до других человек, то Щедрин как будто их никогда и не видал, кроме своего губернского правления. В них вовсе нет ничего живого, кроме обыкновенной их казенной застегнутой жизни; но это, г. Щедрин, не жизнь — это одна только мертвая форма, в которой не только нет, а вовсе и не видно жизни. В образе Калиновича, <нрзб.> и вообще в мастерской кисти Писемского несравненно больше губернских очерков, нежели во всех ваших мертвых писаниях, которыми восхищается из дружбы великий поэт-мазурик! Пора ваша, г. Салтыков, пришла, и сколько б еще ни начиналось объявление с вашего словного имени, всякий понимающий дело истинной литературы только подумает, прочитавши: «Опять будет надоедать Щедрин? Это, наконец, не только скучно, а с его стороны даже и бессовестно!»

Островский в своей среде так называемого московского, или, лучше сказать, во всех отношениях старообрядческого самодурства, стоит, как талантливый человек, гораздо выше, нежели Щедрин в среде своего чиновного лихоимства и чиновной обрядности, если можно так выразиться. В комедиях Островского заметно, что он старался подмечать характерные черты этого сильно выпуклого русского быта; во многих его комедиях эти черты проведены твердо и ясно; видно, что Островский очень близко списывал эти картины семейного деспотизма, и кто не согласится, что копии его довольно верны? Но и только! Этим только и выражается талант Островского. Ни языка, ни глубокого психологического взгляда и анализа, ни плана, наконец — ничего нет в его комедиях, и критик вроде Виссариона Григорьевича нашел бы в них тьму недостатков, и недостатков самых главных! Разберем хоть самое замечательное из произведений Островского — «Грозу». Вот, о чем в настоящее время в особенности можно сказать пословицу: «На безрыбье и рак рыба». Драма эта надоела мне до крайности в настоящую зиму, а Петербург, бедный, милый, простодушный Петербург, и до сих пор еще хлопает и верит, что она выражает будто бы в самом деле русскую жизнь и русские нравы и обычаи. Где и в чем? Один уж только Господь ведает! Дурачество бестолково восторженно хлопающей публики я в особенности заметил в большие праздники, когда все было в самом разгаре. Ценители драмы беспрестанно бегали в буфет и хлопали немилосердно, придираясь к каждому слову. Но вот тут-то и оценивать серьезное произведение серьезного писателя. В самый пошлый праздничный спектакль с комедией Островского просто смех и горе: тут-то и высказалась вся пустота этих бессистемных, бестолковых рукоплескателей: захлопают чему-нибудь чуть дельному кресла — шипит и свищет партер и галерея, захлопает какому-нибудь дурацкому или площадному фарсу галерея — захлопают в креслах. И этому несогласию и нескладнице не было конца! А есть авторы — в том числе, я думаю, и г. Островский — которые после таких представлений выходят совершенно довольные из театра. Я знаю только одного, который был вечно недоволен этими плесками, — это Н.В. Гоголь. Воображаю я, как сильно возмущали его эти похвальные оплеухи и с какой желчью и негодованием выходил он из театра. Да и скажите: что в этом бестолковом одобрении утешительного не только для автора, а для всякого человека трезвого и положительного? Не комедия ли это в комедии и не злая ли насмешка над самой публикой? В этот праздничный святочный вечер, как нарочно, было решительно так: как только начала галерея изъяслять свои похвалы — шипят кресла, и наоборот: как только начинают кресла — бессмысленно отмалчивает или начинает шипеть галерея!

И, признаюсь, грозный человек, я немало посмеялся-таки над такой забавной чепухой! Сожалею только о потерянном вечере, да еще более о том, что по милости этой бестолковости я не мог вывести решительно никакого положительного заключения о пьесе.

Эти новаторы — люди уже чересчур оригинальные. Не велика еще обязательность для общества, что человек умный желает во что бы то ни стало заявить себя крайним невеждой. По-моему, если нам нравится наше презрение к толпе или даже к личностям, так сиди дома и презирай их про себя. Я прав уже потому, что моя оригинальность по крайней мере не смешит и не досаждаёт нахально всем. Что, например, за наглость: собрать деньги, посадить нас в душную залу и рассказывать нам с такими гримасами его великое знакомство с Добролюбовым. Теоретическая, пустая гениальность Добролюбова нами уже оценена достаточно, и возводить его в светила и гении, по-моему, то же, что становиться на ходули человеку низенькому ростом. Низенький действительно будет заметнее, но кто же не понимает, что в то же время и смешон. Это чтение — вроде того же наглого письма Чернышевского, которое он озаглавил, кажется, так: «Вместо признательности к...» (кажется, январь или февраль 1862 г.). В письме этом, видите, великого Чернышевского возмущает похвала господина, который осмелился назвать Чернышевского учителем Добролюбова, и по поводу этой ошибки пишется целая туча доказательств, объясняющих ту ошибку, которая нам, читающим, вовсе не нужна: что не Чернышевский был учителем Добролюбова, а Чернышевский был ученик и учился у Добролюбова. Что мне за дело, Чернышевский ли учил Добролюбова писать свою важную гиль, или Добролюбов Чернышевского — это для нас решительно все равно. И самое, видите, важное: что Добролюбов с 14 лет начал снестать французскую литературу! (!) И это знаменитое восклицание, по-моему, означает только одно: что Д. был пустой односторонник, и порядочным писателем русским быть не мог. <...> Жалкий Добр<олюбов> куда ни совал свои новые теории, так они и остались только туманными теориями, потому что, зачитавшись их, он и вовек никогда бы не сделался практиком. Чем же, г. Чернышевский, важно для нас новое учение вашего великого учителя? <нрзб.> А еще больше: чем так интересно и важно знакомство ваше с этим великим светилем? То знакомство, о котором вы рассказывали почти час и мучали нас еще вдобавок вашим невежественным кривлянием?.. Или все это для того только, чтобы мы вас приняли за великого учителя? Вы, конечно, знаете из азбуки, что все

великие люди непременно были со странностями? В этом отношении можете быть покойны: Паульсон¹², пожалуй, в будущем своем жалком учебнике непременно напечатает так: Демосфен подкладывал камешек под язычок, Декарт обвивал ниточкой палец, когда говорил, а Чернышевский превзошел всех — он корячил ноги! Учись, молодое поколение у твоего учителя!.. Я целый день думал о том, как бы в самом деле определить для нас важность и значение Добролюбова и все-таки ничего не выдумал. Добролюбов, по-моему, своими теориями так же важен для нашего здравого смысла, как и Тредьяковский для слога. И если Господь поможет, да из наших пятидесяти здоровых мальчиков встанут здравомыслящие мыслители русские, так они только с сожалением и презрением скажут: «Э, какая это была жалкая дрянь. А еще были люди (вроде Чернышевского), которые лезли из кожи и хвалили взапуски!..»

¹ Помета на полях рукой жены писателя, Е.А. Потаниной: «Иван Алексеевич Лысков — художник-музыкант». Возможно, имеется в виду художник И.А. Лыскин.

² Осип Афанасьевич Петров (1807–1878) — оперный певец (бас), на протяжении многих лет исполнявший заглавную роль в опере «Жизнь за царя» М.И. Глинки.

³ Бантышев Александр Олимпиевич (1804–1860) — оперный певец (тенор), бывший первым исполнителем партии Торопки из романтической оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила».

⁴ Виктор Петрович Бродзкий (Бродский, Бродзский) (1826–1904) — польский и русский скульптор. Упомянутый Потаниным «Зефир» — скульптура «Зефир, качающийся на ветке». За нее и парные скульптуры «Спящий амур» и «Пробуждающийся амур» Бродзкий в 1861 г. получил звание академика Императорской Академии Художеств.

⁵ Здесь и далее Потанин отсылает к стихотворению И.С. Аксакова «26-е сентября» (1845).

⁶ Вероятно, речь идет об Александре Михайловиче Безобразове (1783–1871) — действительном тайном советнике, сенаторе и писателе.

⁷ Потанин имеет в виду картину В.И. Якоби «Привал арестантов» (1861).

⁸ Речь, вероятно, идет о Федоре Николаевиче Медникове (1829–1877), педагоге, издателе журнала «Народная школа». Ф.Н. Медников со второй половины 1850-х служил штатным смотрителем петербургских училищ, в разное время был учителем, а затем и инспектором Введенского уездного училища, где в 1860–1862 гг. преподавал и Г.Н. Потанин. Как и Потанин, Медников состоял в Вольном экономическом обществе и Комитете грамотности. Потанин довольно часто упоминает Медникова в «Ночнике».

⁹ «Петр Иванович Выжигин» (1831) — продолжение романа-бестселлера «Иван Выжигин» (1829) Ф.В. Булгарина.

¹⁰ Вероятно, рукой Е.А. Потаниной вымарано «мазурику». «Поэтом-мазуриком» Потанин в дневнике и письмах называл Н.А. Некрасова.

¹¹ Юлий Галактионович Жуковский (1833–1907) — литератор и экономист, в 1860–1866 гг. регулярно печатал в «Современнике» статьи по экономическим и юридическим вопросам.

¹² Иосиф Иванович Паульсон (1825–1898) — русский педагог, методист, основатель (совместно с Н.Х. Весселем) и редактор педагогического журнала «Учитель».

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Г.Н. Потанин — педагог, краевед, писатель, мемуарист // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: Изд-во Самарского обл. истор.-краеведческ. музея им. П.В. Алабина, 2015. Вып. 5. С. 163–168.
2. *Блинчевская М.Я.* Из переписки Некрасова // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1983. Т. VIII. С. 146–153.
3. *Краснов Г.В.* Гавриил Потанин // Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна: Изд-во Коломенск. гос. пед. ин-та, 2002. С. 141–147.
4. *Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: в 3 т.* СПб.: Наука, 2007. Т. 2: 1856–1866 / отв. ред. Б.В. Мельгунов. 554 с.
5. *Макеев А.Ф.* Изображение крестьянства в романе Г.Н. Потанина «Крепостное право» // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1968. Т. 20, вып. 1. С. 208–222.
6. *Макеев М.С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС Пресс, 2008. 235 с.
7. *Поддубная Р.П.* Роль интеллигенции Самарской губернии в развитии просвещения и культуры в 50–60-е гг. XIX в. // Гротовские чтения: мат. III Межрег. научн.-практич. конф. Самара: Офорт, 2013. С. 29–46.
8. *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.А. Некрасове // Исторический вестник. 1905. Т. 99, № 2. С. 458–489.
9. *Смирнов Ю.Н.* Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: мат. II Междунар. научн.-практич. конф. Самара: Изд-во Самар. гос. ин-та культуры, 2014. Ч. II. С. 145–152.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The Poet and the Thief”: Nikolai Nekrasov in the Diary and Memoirs of Gavriil Potanin

© 2026. Zoya V. Guseva
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: This article examines the history of the relationship between the now almost forgotten writer of the 1860s, Gavriil Potanin, and the editor

of *Sovremennik* magazine, Nikolai Nekrasov, who introduced the novice author to the literary environment. The research focuses on a comparative analysis of Potanin's unpublished personal diary, which he calls "Nochnick," and his memoirs, "Memoirs of N. Nekrasov." The plots and formulations repeated in both texts suggest that when working on the late "Memoirs..." the author drew on his diary. Both in the "Nochnick" and in the memoirs, Potanin pays great attention to the figure of Nekrasov; however, assessments of the personality and the same actions of the editor of *Sovremennik* often turn out to be diametrically opposed in the two texts. In his diary, Potanin accuses Nekrasov of hypocrisy, dishonesty, and haughtiness, while in the "Memoirs..." he admires his humanity and consideration for his employees. The article separately examines a case in which Potanin's negative judgments about Nekrasov, recorded in the "Nochnick," are re-attributed to other people in his memoirs. The article explores the biographical context of the creation of Potanin's diary entries and suggests possible reasons for the shift in the author's attitude towards Nekrasov in the memoirs written much later.

Keywords: Gavriil N. Potanin, Nikolai A. Nekrasov, *Sovremennik*, diary, memoirs.

Information about the author: Zoya V. Guseva, Postgraduate Student, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 51 bld., 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0154-1912>

E-mail: zoya.guseva.2000@mail.ru

For citation: Guseva, Z.V. "The Poet and the Thief": Nikolai Nekrasov in the Diary and Memoirs of Gavriil Potanin. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 8–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32>

References

1. Artamonova, L.M. "G.N. Potanin — pedagog, kraeved, pisatel', memuarist" ["G.N. Potanin — Teacher, Local Historian, Writer, Memoirist"]. *Samarskii kraj v istorii Rossii. Materialy Mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 190-letiiu so dnia rozhdeniia P.V. Alabina* [Samara Region in the History of Russia. Proceedings of the Interregional Scholarly Conference Dedicated to the 190th Anniversary of the Birth of P.V. Alabin], vol. 5. Samara, Samara Regional P.V. Alabin Museum of Local Lore Publ., 2015, pp. 163–168. (In Russ.)
2. Blinchevskaia, M.Ia. "Iz perepiski Nekrasova" ["From Nekrasov's Correspondence"]. *Nekrasovskii sbornik* [The Nekrasov Collection], vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 146–153. (In Russ.)
3. Krasnov, G.V. "Gavriil Potanin" ["Gavriil Potanin"]. *N.A. Nekrasov v krugu sovremennikov* [N.A. Nekrasov Among His Contemporaries]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2002, pp. 141–147. (In Russ.)
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova: v 3 t.* [The Chronicle of Nikolai Nekrasov's Life and Works: in 3 vols.], vol. 2: 1856–1866, ex. ed. B.L. Mel'gunov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 554 p. (In Russ.)
5. Makeev, A.F. "Izobrazhenie krest'ianstva v romane G.N. Potanina 'Krepostnoe pravo'" ["Representation of the Peasantry in G.N. Potanin's Novel 'Serfdom'"]. *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes

of the Ulyanovsk State Pedagogical Institute], vol. 20, issue 1. Saratov, Volga Region Book Publ., 1968, pp. 208–222. (In Russ.)

6. Makeev, M.S. *Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki)* [Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur (Essays on the Interaction of Literature and Economics)]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2008. 235 p. (In Russ.)

7. Poddubnaia, R.P. “Rol' intelligentsii Samarskoi gubernii v razvitiі prosveshcheniia i kul'tury v 50–60-e gg. XIX v.” [“The Role of the Intelligentsia of Samara Province in the Development of Education and Culture in the 1850–1860s”]. *Grotovskie chteniia: materialy III Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Grot Readings: Proceedings of the 3rd Interregional Scholarly and Practical Conference]. Samara, Ofort Publ., 2013, pp. 29–46. (In Russ.)

8. Potanin, G.N. “Vospominaniia o N.A. Nekrasove” [“Memories of N.A. Nekrasov”]. *Istoricheskii vestnik*, vol. 99, no 2, 1905, pp. 458–489. (In Russ.)

9. Smirnov, Iu.N. “G.N. Potanin v kul'turnom prostranstve doreformennoi Samary” [“G.N. Potanin in the Cultural Space of Pre-Reform Samara”]. *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modernization of Culture: Ideas and Paradigms of Cultural Change: Proceedings of the Second International Scholarly and Practical Conference], part 2. Samara, Samara State Institute of Culture Publ., 2014, pp. 145–152. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 12.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 12.05.2026

Date of publication: 25.06.2026